

ДЖОЗЕФ ШЕРИДАН ЛЕ ФАНЮ

---

*КОВАРНЫЙ ГОСТЬ
И ДРУГИЕ МИСТИЧЕСКИЕ ИСТОРИИ*

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-82(417)
ББК 84(4Ирл)-44
ЛЗЗ

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского

Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Ле Фаню, Джозеф Шеридан.

ЛЗЗ Коварный гость и другие мистические истории : [сборник] / Джозеф Шеридан Ле Фаню ; [перевод с английского]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 448 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-173761-0

На страницах этого сборника читатели столкнутся с леденящими душу историями, которые погрузят их в мир потустороннего и необъяснимого.

Темные тучи сгустились над древним поместьем Грей-Форест: семейство Марстон находится на грани разорения, а отношения между родственниками далеки от идеальных. Мрачное и безрадостное уединение обитателей замка нарушает визит богатого кузена Уинстена Беркли, привыкшего к роскошной жизни. Никто и представить не мог, какую цепочку трагических событий запустит визит незнамого гостя...

УДК 821.111-82(417)
ББК 84(4Ирл)-44

© Перевод. Л. Брилова, 2025
© Перевод. Н. Роговская, 2025
© Перевод. Е. Токарева, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2025

ISBN 978-5-17-173761-0

Коварный гость

Похоть же, зачав, рождает грех,
а сделанный грех рождает смерть.

Послание Иакова 1:15.

Лет шестьдесят тому назад, милях в двадцати к югу от древнего города Честера, стоял большой особняк, уже тогда казавшийся старомодным. Вокруг него раскинулось обширное поместье. Оно славилось густыми вековыми лесами, но, помимо суровой торжественности высоких деревьев и живописных холмов, мало что могло привлечь взгляд случайного путника. Над домом витала аура небрежения и упадка, тягостного мрака и меланхолии. По ночам, казалось, тьма сгущалась там сильнее, чем в окрестных местах, а когда над лощинами и перелесками всходила луна, в ее свете они наливались зловещим мерцанием, какое можно увидеть разве что над заброшенным погостом. И даже когда над верхушками раскидистых деревьев вставало солнце,

его розовые лучи не могли развеять уныния, наполнившего сердце при виде столь грустного пейзажа.

Этому старинному, грустному, заброшенному месту мы дадим название Грей-Форест — для ясности. В те времена имение принадлежало младшему сыну некоего дворянина, когда-то прославленного за талант и отвагу, но давно отошедшего в те края, где человеческая мудрость и смелость не стоят ничего. Старший представитель сего благородного семейства проживал в фамильном особняке в Сассексе, а младший сын, чью судьбу мы опишем на этих страницах, жил среди сумрачных древних лесов Грей-Фореста. В средствах он был весьма стеснен, по характеру замкнут и раздражителен.

Достопочтенный Ричард Марстон возрастом приближался к пятидесяти годам, однако в значительной мере сохранил следы мужественной красоты, которую ничуть не умаляли хорошо заметные следы дерзкой и страстной натуры. Лет восемнадцать назад он женился на красивой девушке из хорошей, но обедневшей семьи; в этом браке появились на свет двое детей, сын и дочь. Во времена нашей истории мальчик, Чарльз Марстон, учился в Кембридже, а его сестра, едва достигшая пятнадцати лет и проживавшая с родителями, оставалась под присмотром опытной гувернантки, которую порекомендовал им знатный родственник

миссис Марстон. Она была родом из Франции, но прекрасно владела английским языком и, если не считать легкого акцента, придававшего ее речам особую прелесть, говорила не хуже любой урожденной англичанки. Эта молодая француженка была необычайно красива и привлекательна. Секретами ее несомненного влияния на мужские сердца, которые с первого взгляда поражали воображение, были не классически правильные черты лица, а выразительные темные глаза, светлая оливковая кожа, небольшие ровные зубы, улыбка с красивыми ямочками.

Состояние мистера Марстона, изначально не очень большое, было растрчено им в годы разгульной юности. От природы гордый и взыскательный, он остро ощущал унижительные последствия своей бедности. Его раздражала и ранила невозможность занять в своем графстве влиятельное положение, которое, как он считал, должно принадлежать ему по праву; он мучительно и долго лелеял в душе горькие обиды, реальные или воображаемые, которым подвергал его все тот же изобильный источник досад и унижений. Поэтому он мало контактировал с владельцами окрестных поместий, и даже это скудное общение было не из приятных; ибо, не имея возможности развлекать других в том стиле, какой он считал подобающим своим идеям или положению, он отвергал, насколько это было совместимо с хорошими манерами, любые

приглашения гостеприимных соседей и из своего заброшенного парка глядел на окружающий мир угрюмо и дерзко.

Он был сильно стеснен в средствах и в связи с этим вынужден сильно ограничивать себя, однако унаследовал множество мнимых атрибутов бывшего величия, обретавших все более весомую значимость по мере исчерпания материальных признаков богатства. Особняк, в котором он жил, при всей своей старомодности был весьма величественным и, бесспорно, аристократичным; на стенах висели портреты знаменитых предков. Марстон сумел сохранить вокруг себя многочисленный и вполне благопристойный штат прислуги. Помимо этого, вокруг дома простиралось обширное поместье с охотничьим парком, где водились олени, и великолепный строевой лес, где он любил гулять. Гордость за эти владения помогала ему в некоторой степени смягчать горькие чувства от утраты бывшего богатства и значимости. К сожалению, давние привычки мистера Марстона не уменьшали, а лишь обостряли его досаду при виде стремительно тающего состояния. Он всегда отличался беспечностью, сладострастием и любовью к азартным играм. Его дурные наклонности сохранились и после исчезновения средств для их удовлетворения. Любовь к жене была не более чем одним из неистовых упрямых увлечений, какие у людей, склонных потакать своим прихотям, иногда приводят к женитьбе, однако ред-

ко длятся более нескольких месяцев. Миссис Марстон была женщиной благородной и великодушной. После долгих мук и разочарований, о которых никто не подозревал, она была вынуждена с горечью покориться своей несчастной судьбе. Чувства, когда-то наполнявшие радостью ее молодые дни, исчезли, и, как она с горечью догадывалась, навсегда. Вряд ли они когда-нибудь вернуться; и она, не жалуясь, никого не упрекая, смирилась с тем, что считала неизбежным. При взгляде на миссис Марстон невозможно было не заметить, что некогда поразительно красивая женщина превратилась в усталую, бледную, терзаемую глубоко спрятанной невысказанной печалью, она сохранила в лице и фигуре признаки благородной красоты и несравненного изящества, которыми в былые, более счастливые дни восхищались все, кто ее видел. Но столь же невозможно было в разговоре с ней, даже кратком, не услышать в мягкой, меланхолической музыке ее голоса печальных отзвуков горя, сгубившего ее прежнюю красоту, неувядающих воспоминаний о былой любви и невозвратно ушедшем счастье.

Однажды утром мистер Марстон, по своему обыкновению, в ожидании почтальона, приносившего письма, прогуливался по широкой прямой аллее, обрамленной высокими деревьями. Встретив проворного вестника, он молча забрал у него почтовую сумку. Внутри было всего два письма — одно адресовалось «Мадемуазель де

Баррас, дом м-ра Марстона», другое ему самому. Он взял оба, отпустил почтальона, вскрыл то, которое предназначалось ему, и на обратном пути к дому прочитал.

«Дорогой Ричард!

Ты, несомненно, помнишь, что я человек эксцентричный, а в последнее время, как мне говорят, стал склонен к ипохондрии. Не знаю, какому именно недугу я обязан внезапным желанием нанести тебе визит, но надеюсь, что ты согласишься меня принять. По правде сказать, дорогой Дик, мне хочется посмотреть ваши края и, признаюсь, заодно повидаться с тобой. Мне хочется познакомиться с твоей семьей; и, хоть мне и говорят, что здоровье мое пошатнулось, в свою защиту скажу, что хлопот со мной у вас будет мало. Я вполне способен сам о себе позаботиться и не нуждаюсь ни в уходе, ни в чем-то еще. Будь добр, доложи о моей просьбе миссис Марстон и сообщи мне ее решение. Seriously, я понимаю, что у тебя, может быть, сейчас полон дом гостей или имеются другие обстоятельства, препятствующие моему вторжению. В таком случае дай мне знать об этом честно, дорогой Ричард, ибо я не стеснен во времени и вполне свободен в своих передвижениях, поэтому могу перенести свой визит на любое удобное тебе время.

Искренне твой и т. д.,

Уинстон Э. Беркли

Р. S. Напиши мне в отель в Честере, там я, вероятно, буду к тому времени, когда это письмо дойдет до тебя».

— Как всегда, дурно воспитан и настырен! — сердито возгласил мистер Марстон, засовывая в карман нежеланное письмо. — Купается себе в богатстве и не имеет ни единого родственника более близкого, чем я, и еще прочнее связан со мной — нет, не симпатией, тьфу! — а воспоминаниями о давних временах, когда мы приятельствовали, но при этом оставляет меня без помощи, обрекая на многолетнее прозябание и муки, на жестокие удары судьбы и нескончаемые материальные трудности, а теперь намерен явиться в мой дом, в полной уверенности, что встретит радушный прием. Явится сюда, — продолжил он после долгой мрачной паузы, медленно шагая к дому, — чтобы собрать основу для сплетен следующего сезона — о женившемся закоренелом холостяке, о разорившемся красавце, о всеми отвергнутом обитателе чеширской глуши. — При этих словах он окинул окрестный унылый пейзаж полным ненависти взглядом. — Да, он желает увидеть здешние места пустынными и голыми, но я его разочарую. За свои деньги он может купить сердечный прием в какой-нибудь таверне, но будь я проклят, если проявлю к нему хоть каплю радушия.

Он снова раскрыл и пробежал глазами письмо.

— Ну да, нарочно сформулировал свою просьбу так, что я не смогу отказать, не нанеся обиды, — гневно продолжил он. — В таком случае пусть не винит никого, кроме себя, и обижается сколько хочет. Я сумею положить конец его веселому путешествию. Боже мой, до чего трудно жить, когда приходится выставлять свою бедность напоказ.

Сэр Уинстон Беркли носил титул баронета и обладал немалым состоянием. Эгоистичный и тщеславный, он был закоренелым холостяком. Когда-то они с Марстоном вместе учились в школе, и жестокий неумолимый нрав последнего вызывал у его товарища столь же мало уважения, сколь мало ценил его родич легкомысленного себялюбивого баронета. В детстве у них было слишком мало общих интересов, которые могли заложить основу дружбы или хотя бы взаимной симпатии. Беркли был беспечен, холоден и насмешлив; его кузен — ибо они приходились друг другу кузенами — завистлив, высокомерен и безжалостен. Их нежелание общаться друг с другом, естественным образом проистекающее из разницы характеров, за время учебы в Оксфорде сменилось откровенной враждебностью. Однажды в любовной интрижке Марстон обнаружил в своем кузене успешного соперника; это привело к жестокой ссоре, которую, не вмешайся вовремя друзья, он непременно довел бы до кровопролития. Со временем, однако, разрыв между ними постепенно сгладился,

и молодые люди стали смотреть друг на друга с одинаковыми чувствами; в конце концов между ними снова установилось прежнее холодное безразличие.

С учетом вышесказанного, какие бы подозрения ни питал Марстон по поводу только что полученного неожиданного и крайне нежелательного предложения, у него не было причин жаловаться на то, что сэр Уинстон своим долгим отсутствием нарушил обязательства, проистекавшие из давней дружбы. Однако, решив отказать сэру Уинстону в приглашении, Марстон действовал не в порыве гнева или злости. Он хорошо знал баронета и понимал, что тот не питает к нему никаких добрых чувств и что причиной внезапного визита было что угодно, только не желание повидать старого друга. Поэтому он решил обойтись без тревог и расходов, вызванных этим крайне неприятным для него визитом, и раз и навсегда отказать баронету, причем сделать это в манере, достойной джентльмена, но при этом, как может догадаться читатель, нисколько не заботясь о том, обидит ли отказ его беззаботного кузена.

Приняв это решение, Марстон вошел в просторный, но заметно обветшалый особняк, где его звали хозяином, и направился в гостиную, отведенную дочери. Там он и застал ее в компании хорошенькой французской гувернантки. Он поцеловал свое дитя и вежливо приветствовал ее молодую наставницу.

— Мадемуазель, — произнес он. — Я принес письмо для вас. Рода, — обратился он к своей прелестной дочери, — отнеси это матери и передай, что я просил прочитать его.

Он вручил ей только что полученное письмо, и девочка легким шагом убежала исполнять просьбу.

Если бы он внимательнее присмотрелся к выражению лица красивой француженки в тот миг, когда она посмотрела на врученное ей послание, то заметил бы мимолетные, но вполне отчетливые признаки волнения. Она торопливо спрятала письмо, вздохнула, и легкий румянец, коснувшийся ее щек, тотчас же исчез. Через мгновение она вновь обрела свое обычное спокойствие.

Мистер Марстон остался в комнате еще на несколько минут — пять, восемь или десять, нельзя сказать точно. По большей части он стоял на месте, ожидая возвращения своей посланницы или появления жены. Не дождавшись, пошел искать их сам; но за время ожидания его прежняя решимость поколебалась. Трудно понять, что на него повлияло, однако в конце концов он твердо решил, что сэр Уинстон Беркли должен стать его гостем.

Идя длинными коридорами, Марстон встретил свою супругу и дочь.

— Ну как, — спросил он, — ты прочитала письмо Уинстона?

— Да. — Она вернула ему листок. — И какой же ответ ты, Ричард, намерен ему дать?

Она хотела было высказать свое предположение, но вовремя прикусила язык, вспомнив, что даже такой мельчайший намек на совет может разозлить ее холодного и властного господина.

— Я подумал и решил пригласить его, — ответил он.

— Ох! Боюсь — то есть надеюсь, — что наше скромное хозяйство придется ему по вкусу, — сказала она с невольным удивлением, так как почти не сомневалась, что ее муж в столь стесненных обстоятельствах предпочел бы уклониться от визита давнего друга.

— Если наша скромная пища его не устроит, — угрюмо отозвался Марстон, — может уехать, когда захочет. Мы, бедные джентльмены, постараемся оказать ему достойный прием. Я все обдумал и решил.

— И когда же, дорогой Ричард, ты намерен назначить ему дату приезда? — поинтересовалась она с понятным беспокойством, догадываясь, что в хозяйстве, где претензий гораздо больше, чем возможностей, вся тяжесть домашних хлопот ляжет на ее плечи.

— Пусть приезжает когда захочет, — отозвался он. — Полагаю, тебе не составит труда приготовить ему комнату к завтрашнему или послезавтрашнему дню. Я отвечу ему с сегодняшней почтой и напишу, чтобы приезжал как можно скорее.

Произнеся это холодным и решительным тоном, он ушел, видимо не желая, чтобы его

терзали дальнейшими расспросами. В полном одиночестве он направился в самую далекую часть своего заброшенного парка, где его никто не мог побеспокоить. Он часто проводил там целые дни, охотясь на кроликов. Там, за любимым занятием, о коем он время от времени извещал далеких домочадцев беспорядочными выстрелами, мы его на время и оставим.

Миссис Марстон отдала распоряжения и, когда подготовка к событию столь непривычному, как долгий визит постороннего гостя, началась полным ходом, удалилась в свой будуар — место, где она привыкла проводить долгие часы в терпеливом, но горьком страдании, незаметном чужому глазу и скрытом от всех, кроме Сердцеведца Бога, которому принадлежит и милость, и месть.

У миссис Марстон было всего двое друзей, с которыми она могла обсуждать все, что лежало на сердце, и в первую очередь холодность супруга — печаль, которую не смогло исцелить даже время. От детей она эту горечь тщательно скрывала, ни разу не высказав ни единой жалобы. Она бы скорее погибла, чем позволила себе дать им хоть малейший повод обвинить отца. Другьями, которые, хоть и в разной степени, могли понять ее чувства, были, во-первых, почтенный священник, преподобный доктор Денверс, частый гость в Грей-Форесте, где своими простыми манерами, добронравием и сердечной мягкостью завоевал любовь всех обитателей, кроме

самого хозяина, и удостоился даже его уважения. Второй была не кто иная, как молодая французская гувернантка мадемуазель де Баррас, охотно выражавшая сочувствие и дававшая советы, в которых миссис Марстон находила немалое утешение. В обществе этой юной леди она обретала спокойствие и радость, сравнимые разве что со счастьем от общения с дочерью.

Мадемуазель де Баррас происходила из благородной, но обедневшей французской семьи, и неуловимое изящество и внутреннее достоинство говорили, вопреки стесненным обстоятельствам, о чистоте ее происхождения. Она получила хорошее воспитание, обладала тонкой восприимчивостью и чувствительностью, той готовностью приспособливаться к перепадам настроения собеседника, которую мы называем тактом, и, кроме того, была одарена природной грацией и самыми располагающими манерами. Коротко говоря, в качестве компаньонки она не знала себе равных; и, с учетом печальных обстоятельств ее собственной судьбы и трагической истории ее семейства, когда-то богатого и благородного, сочетание всех этих качеств превращало ее в особу необычайно интересную. Благодаря своему характеру и происхождению мадемуазель де Баррас сумела завоевать расположение миссис Марстон, и между ними возникли близость и доверие куда более тесные, чем обычно связывают участников подобных отношений.

